

18+

Марк Файнберштейн

ПОСЛЕДНЯЯ МЕЧТА
ЧЕКИСТА
МИХЕЛЬСОНА

Марк Файнберштейн

**Последняя мечта
чекиста Михельсона**

«Издательские решения»

Файнберштейн М.

Последняя мечта чекиста Михельсона / М. Файнберштейн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982334-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Поздней весной 1919 года в небольшом городке
центральной России сотрудник ВЧК получает важное задание. Но пройдет ли
испытание верный воин революции? Он этого сам до конца не узнает.

ISBN 978-5-44-982334-2

© Файнберштейн М.
© Издательские решения

Последняя мечта чекиста Михельсона

Марк Файнберштейн

Иллюстратор Марк Борисович Файнберштейн

© Марк Файнберштейн, 2020

© Марк Борисович Файнберштейн, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-2334-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

У подъезда зелёного дома остановился автомобиль. Прохожие заторопились, пожилой господин с бородкой перешёл на другую сторону улицы. Дворник опёрся на метлу.

– Ишь ты, – обратился он к напряжённо дышавшей собаке, – давненько не было.

Из машины вышли трое. Усатый солдат с карабином, худой мужик в кожаной лётной куртке и матрос с усталыми глазами. Не озираясь, вошли в парадное.

– И как вы без ареста собираетесь развязывать языки? – Спросил матрос. – Не те это люди...

– Хорошо паниковать, – добродушно сказал худой, – я почувствую.

– Странно, Карп Борисыч, что мне кокаин не даёт такой уверенности в себе.

– Разговорчики!

Они остановились перед дверью с сорванной табличкой, Карп Борисыч позвонил, усатый сделал страшное лицо, матрос вздохнул.

– Кто это? – спросил испуганный женский голос.

– Вэчека, отворяйте!

За дверью прошептали «господи «и всё стихло. Звонок надрывался, и через минуту им отворила пожилая дама. Она смотрела на гостей спокойно, чуть склонив голову набок.

– Здоровия желаю, мамаша! – Сказал Карп Борисыч и протиснулся в квартиру. Матрос засунул руки в карманы и с солдатом последовал за ним. – Такие как вы обычно спрашивают «что вам угодно, господа?»

Матрос осматривался. Квартира людей с некогда хорошим достатком, людей интеллигентных и со вкусом. Серебристые обои в просторной прихожей, портрет Лермонтова в мятой фуражке, последний прижизненный, кажется. Открывшая дверь хозяйка смотрит на вошедших откуда-то очень издалека. Рядом застыла девушка-служанка с ужасом в глазах.

– Прислугу по домам бы распустили, лакеев нынче нету, – сказал Карп Борисыч и задвигал нижней челюстью.

– Позвольте документы, господа, – протяжно сказала женщина.

– Документы можно. Это правильно, – усмехнулся френч, – я – оперуполномоченный уездного ЧК Борисов, со мной следователь Михельсон. А вы – гражданка, как я разумею, Вера Николаевна, вдова генерала и мать контрреволюционера Крымова.

Она взглянула на бумаги и ответила:

– Товарищи из вашего департамента уже были и всё выяснили. Я не вижу причин беспокоить нас.

– Мама, да что же это?! – в прихожей появилась красивая брюнетка в сиреновом платье. Матрос поправил бескозырку с надписью «Слава». Человек с ружьём вытер усы, а Борисов опустил глаза.

– Только мне тут без истерик. Нечего. Мы точно знаем, что ваш муж, – он злобно посмотрел на вошедшую, – находится в городе. И контакты с вами наверняка поддерживает. Учитывая вашу природу, я знаю, что покрывать вы его будете до последнего. Пока власть трудового народа жалеет вас и не берёт в заложники, но это поправимо, ежели вы будете упорствовать.

– Милейший, у вас ордер на обыск, – перебила его пожилая, – прошу вас, приступайте.

– О, деловые люди! – Почти уважительно сказал Карп Борисыч. – Но можно этого избежать. Мы оставим Крымова в покое, если вы расскажете нам о приятеле его поручике Редько Александре Ивановиче. Знакомы?

– Вы решили, что мы будем выдавать офицеров? – надменно спросила генеральша.

– Ах ты контра, – прорычал Борисов, хватаясь за кобуру, – пулю хочешь? Офицеров выдавать не желаете, а если бы пролетарий, то за милую душу?

– Мама, прошу вас, – прошептала молодая и загородила её собой. Заговорил Яков Михельсон в форме матроса с линкора «Слава». Голос его звучал мягко, по-русски он говорил правильно, только интонация выдавала белорусское местечко.

– Дамы, напрасно вы это... Мы вам лично зла не имеем. Товарищ Борисов вот ходатайствовал, чтобы вас не арестовали. И не для подходу особого всё выведать, а чтобы без никчёмного насилия. На сей раз советская власть встала в городе основательно и придётся это принять. Строить новую Россию мы вас не агитируем, но и мешать нам не нужно. Вот этот ваш поручик от благородства далёк весьма, погромы чинил на Украине без разбору пола и племени. Из действующей царской армии дезертировал. Деньги очень любит. Оказался в вашем городе. С супругом вашим, Наталья Геннадьевна, знаком с 12-го года, и мы точно знаем, что они имеют сношения.

А про себя подумал: «Ох и красивая... И не так фанатична, как свекровь, по-моему. Повезло же этому Крымову. Что дома не сидится с такой женой? Всё воду мутит. Военспецом бы пошёл, и при пайке и дома чаще... Эх-х...»

– Вы нас поймите, – также тихо, в тон ему ответила молодая, – мы ничего не знаем об этом человеке. Кажется, он был у нас до революции пару раз, но больше мы ничего о нём не слышали.

– Ну а может вы чего знаете? – угрожающе спросил Борисов у старшей Крымовой.

– К счастью, ничем не могу вам помочь.

– Ясно, – махнул рукой оперуполномоченный, – тогда будем обыскивать. Ковалёв! Давай в аптеку, звони, вызывай группу. Скажи, я приказал, ордера на арест прислали чтоб.

Усатый кивнул и вышел из квартиры. Борисов со следователем прошли в гостиную. Михельсон остановился у картины с унылым скрипачом в сюртуке времён декабристов. Прочитал надпись: «Непонятый талант», хмыкнул и подошёл к пианино. Вслед за ними машинально вошла горничная.

– М-м... скажи-ка милейшая, – заговорил с ней Карп Борисыч, вертя в руках китайскую вазу, – а ты чайку нам не того?

Та растерялась и сейчас же вышла.

– А что? – он посмотрел на Михельсона, – эксплуатируемые слуги должны и советской власти чаю наливать.

Вдруг захохотали сапоги и к ним ворвался ошалевший Ковалёв.

– Там это... братцы... – он вращал глазами как безумный, пытался отдышаться, – шофёра кончили.

– Как кончили? – прохрипел Борисов, хватаясь за кобуру.

– Горло перерезали, – выдохнул солдат и уставился на Михельсона.

– О ч-чёрт...

– Яков, останься и осмотри квартиру! Ковалёв, за мной!

Чекисты бросились вниз, а Яков подошёл к замершим в коридоре женщинам. Горничная удивлённая вышла из кухни:

– А я самовар поставила.

Следователь ЧК, держа револьвер у груди, медленно двинулся по комнатам. Женщины злились, но казались неопасными. Старуха не выдавала эмоций, а жена Крымова испугалась не меньше их.

– Сколько комнат? Кто ещё в квартире?

Молодая последовала за ним и быстро заговорила:

– Это ужасно, господин чекист, мы ничего-ничего не знаем, здесь только мама и Любаша.

Это ужасно всё...

– Комнат сколько?

– Шесть и гостиная с кухней.

В квартире было пусто. Вернулся Ковалёв.

– Там это... Вас зовут, Яков Семёныч. А я с этими, – он карабином указал на женщин, – пока останусь.

Некто, а Борисов считал, что сам Крымов, напоролся возле подъезда на их «рено» и перерезал водителю горло, когда тот ел хлеб прямо за рулём. Свидетелей не было, дворник исчез. Сам Карп Борисыч носился вокруг машины, размахивал огромным пистолетом «Астра» и дико матерился. Улица совершенно опустела, только кошки замерли и удивлённо смотрели на людей.

Частое ощущение нереальности событий за время работы в ЧК не только не стало привычным, но и сильно раздражало Михельсона последние дни. Симпатичная Наталья маячила перед глазами, но в эту картинку вторгся водитель Авдеев с раскинутыми руками и лицом на руле. Ржаной хлеб, завернутый до этого в тряпицу, валялся тут же, в крови. Было невыносимо жалко всех и хотелось плакать. Прибежал какой-то мобилизованный с идиотским красным бантом.

«Да уж, беспощадная борьба классов... Г-споди, но ведь мы их часто щадили! И Трусова тогда, у реки и вообще. А они – нет. Но это сделал не Крымов. Военспец один рассказывал об этом офицере, и перерезанное горло не укладывается в образ. Контра, но белоручка, злой и принципиальный. Даже в спину бы не выстрелил. Наверное. А я бы выстрелил? Надо бы Карпа успокоить.»

– Кто вы такой? – строго окрикнул красногвардейца, окаменевшего перед трупом.

– Гавриленко, командир роты Алексеевских кузниц.

– Сколько людей под рукой сию минуту?

Тот почему-то стал оглядываться.

– Там это, беляки с-под Михеево к городу рвутся, все за реку ушли.

– А вы что здесь делаете?

– Ну всё, мужики, хватит дождём кастрюли полнить, – сказал Карп, – шофёра на заднее сиденье, быстро! Не пёхом же теперь... Эй пролетарий, подсоби-ка.

Они перетащили тело шофёра.

– Да тут всё в кровище, – поморщился Яков.

– Не кряхти, в субботу в баню! Я поведу.

Дождались Ковалёва, чёрный «рено» затарахтел и в клубах дыма покатился по Ранетной улице в сторону Уездного Отделения по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

2.

Город, казалось, привык к быстрой смене власти и обрёл новую форму жизни, тихую, но устойчивую к разным знамёнам. Совершенно не ощущалось здесь приближения белой дивизии, бабы, дети, извозчики и даже торговцы будто не волновались вовсе. Нервничали немного

евреи, жались по стенам домов. Здесь не Украина, но и господа офицеры несут мало надежды. Не окажется среди золотопогонников земляка из Могилёва, с кем можно перекинуться парой слов на идише, и на сердце уже не так скверно. А ежели с властями при царе заигрывал, то и мы прищемить можем. В России всё больше дантисты, купцы, кто не съехал, да инженера. Крещёных немало. И чего это я о них думаю? Вон с адвокатом Нафтулиным как обошлись. Просто за то, что профессией не вышел человек. Старался же, в институте учился, надежды питал, умом своим испуганным дорогу прокладывал под взгляды хмурые и насмешливые. А тут мы в сапогах и квартирку того... Он не крестился даже, значит с принципами человек, хотя мог «облегчить душу». И в Стамбул не уехал... Чёрт их разберёт.

Отягощённый такими думами Михельсон трясся в «рено» и разглядывал улицы.

– Вон оно как, – заговорил с заднего сиденья Ковалёв, сидя рядом с трупом. – Как же Гришка так зазевался, а?

– Как не зазеваешься? – прокричал Карп Борисыч, – забыл Григорий, куда попал. Здесь фронт со всех сторон. Забыл – пропал. Вот ты на войне с австрияками как обедал?

– Как-как? По распорядку, вроде, обед, в окопе сидишь, шлёнка на коленях и хлебаешь себе. Только если не обстрел, а так, палят для порядку, а братва – пёс с ним, только ладонями шлёнки прикрывают. В обстрел-то не похаваешь. Ну а блиндаже – то счастье, млеешь, как кот. Кто ж за спину смотрит.

– То-то и оно, Кондрат, что гниды эти хуже австрийцев с германцами. Буржуи да аристократы обозлённые. На германском всё ж по большей части, как и у нас, пролетарии да крестьяне сознательные.

– Карп Борисыч, что ты такое говоришь? – не утерпел Михельсон, – а когда германцы вас газами душили, они конца обеда ждали, да?

– Ты мне, Яша, бойца не порти. Он, как есть, человек прямой и с надеждой. Правильный человек. А ты есть люмпен, хоть интеллигент. Думай лучше, что с городом будет.

– Что тут думать, генерал Риферс слишком близко, нас сразу к Олдони пошлют. У завхоза, я знаю, четыре пулемёта есть. Ковалёв, пулемёт знаешь?

– Никак нет, но обучиться дело нехитрое, я не глупый. Лучше бы, конечно, винтовочку оставили. Всё какую-то рвань ловим, найти не можем. Они нас сами находят. В приличного человека не стрелял уж сколько.

Усатый Ковалёв ласково погладил трёхлинейку. Яков увидел краем глаза и вздохнул.

– Она ж мне подруга, – сказал Ковалёв, – Ижевского завода, номер двести тринадцать тыщ сто восемь. В канале ствола ни царапинки.

– Во любуйся, Михельсон, – махнул рукой Борисов, – до чего царь людей довёл. Три года солдат без бабы, нежность сердца такая накопилась, винтовку любит, что твою Зинаиду.

– Какую Зинаиду?

– А-а, много ты понимаешь.

Здание бывшего лица выглядело безобидно для тех, кто не знал, что теперь творится в его стенах. Красный флаг над входом поник без ветра, часовой у ворот вертел головой всем вслед. Карп остановился, чуть задев сломанный Руссо-Балт начальника уездного отдела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.